

Метафизика вольной рифмы

Татьяна Кириллова

Метафизика поэзии. Творчество Эмили Дикинсон широко известно ее почитателям символическим содержанием и метафизическим восприятием окружающей действительности. Данная статья представляет три авторских перевода ее стихов и посвящена изучению стиливых особенностей поэтического наследия.

Исследование творчества женщин-поэтесс (писательниц) долгое время оставалось на периферии отечественного литературоведения. Однако в настоящее время наконец-то стал очевиден тот факт, что нельзя рассуждать о явлениях мировой культуры, не рассматривая творчество женщин (английский роман, французский и британский романтизм). Например, в США Эмили Дикинсон (1830—1886) — выдающаяся поэтесса XIX в. — внесла неоспоримый вклад в искусство будущего смелыми поэтическими экспериментами. Она ввела в поэтику семантическую полисемию, прославилась пренебрежением к грамматическим конструкциям, которые именно в английском казались незбылемыми (подлежащее — сказуемое — дополнение — обстоятельство), благоволила к чисто американскими метафорам, «баловалась» плавающим размером стиха.

Э. Дикинсон, как и многие непризнанные гении, появилась несвоевременно и была обречена на непонимание. Та же участь постигала и других талантливых людей, словно родившихся раньше срока. Их ждала слава в грядущем. И уже в 1960—1980-е гг. и у читателей, и у критиков возник особый интерес к творчеству поэтессы. За рубежом появилось множество статей и монографий о ней. Среди них мы можем особо выделить своеобразные фрейдистские исследования А. Муррея [1], А. Хаббеггера [2], К. Коммента [3], д'Ариззо [4] и П. Краппи [5]. В России тоже создано несколько диссертаций (С. Курей), посвященных поэтике и эпистолярному жанру: 1044 писем, написанных Эмили Элизабет, представляют особый интерес для литературоведов.

К сожалению, в Беларуси никто еще не обращался к изучению ее поэтического наследия. В данной статье мы попытаемся исследовать метафизический мир волнующей поэзии, воссоздать психологический портрет поэтессы. В искусстве нас привлекают не обманчивые копии внешнего мира, а внутренние его структуры, то есть «геометрия строк», комбинация гласных, сочетание звуков и образов, ритмическая схема, которая открывает нам парадоксальную истину, состоящую в том, что форма является первоосновой при анализе поэтики стиха.

Эмили Элизабет Дикинсон, прозванная критиками «женщиной в белом» из-за любви к этому цвету в одежде, родилась, жила и умерла в маленьком городке Амхерст, штат Массачусетс. К несчастью для современников, при жизни были опубликованы лишь 8 или 10 (спор между критиками до сих

пор не смолкает) ее коротких творений, а всего она написала 1775 новаторских стихотворений. Опубликованный после смерти сборник (1890) тоже не принес Э. Дикинсон заслуженного признания и популярности. Лишь в XX в. она снискала фантастический успех, потому что уникальная метафоричность стиля, пронизанного символами, которая не пришлась ко двору в пуританской Америке конца XIX в., вдруг стала близка декадентам, модернистам и постмодернистам XX столетия. Эмили Элизабет, по утверждению литературоведа Джона Нэма, тонкого знатока американской литературы, «одна из наиболее изобретательных поэтесс, чьи произведения зеркально отражают душу, познавшую, что Творец и Непознанное равновелики» [6, р. 6].

Нарушая привычные семантические и синтаксические связи в предложении, она допускает инверсию слов, переносы частей речи, свободно обходится с грамматикой. Подобная вольная организация стиха была скорее свойственна ее французским коллегам того периода (декадентам Малларме, Верлену и Рембо), стихи которых так и остались для Э. Дикинсон «*terra incognita*» (в США их тогда не переводили). Ее эксперименты были абсолютно нетипичны для американской поэзии XIX в., даже для креативных имажистов (Э. Лоуэлл), ее современников.

Душевная опустошенность, трагизм бытия, его безысходность лежат в основе стихотворных этюдов поэтессы и определяют ее художественное мировоззрение. Они же внушают мистическое представление о Вечности и Красоте, образы душевных состояний. Видение мира диктует сбитый синтаксис ее поэтических творений, в которых автор использует речевые средства индивидуализации, специфическую экспрессию через комплекс духовной человеческой восприимчивости, сознания, чувств, эмоций и собственной воли.

Сквозной мотив одиночества, типичный для всего творчества прославленной американки, оказался понятен и близок экзистенциальному человеку двадцатого столетия, оторванному от общества и потерявшемуся в жестоком мире. Недаром ее соотечественник, классик XX в. У. Стайрон, в бестселлере 1979 г. «Выбор Софи» — романе о фашистских злодеяниях и личной трагедии бывших узников концлагерей — в тексте произведения ввел стихи Э. Дикинсон, причем не только в качестве эпиграфы обреченным страданиями персонажам. Писатель отвел этим строкам роль траурной мелодии, похоронного марша, рефреном прозвучавших во всем тексте произведения.

Современные исследователи творчества Эмили Элизабет до сих пор не способны достоверно воссоздать точную биографию и определить объект ее платонической страсти. Из-за затворнического образа жизни, который она сама себе навязала, можно только делать предположения о том, что Дикинсон всегда предпочитала переписку живому общению.

Внешне она, казалось, повторила судьбу знаменитой англичанки девятнадцатого столетия — Джейн Остен. Их действительно объединяет многое: отсутствие любви, однообразные будни и, конечно, монотонность провинциальной жизни. Дочь судьбы, Эмили Элизабет, получила традиционное для своего времени образование в местном колледже, подготовившее девушку к роли жены и матери. Затем ее отдали в духовную семинарию, где углубились знания Библии и теологии, заметно повлиявшие на метафизическое восприятие действительности, «ответственное, с одной стороны, за воспевание Бога в творчестве и, с другой, почти полное отрицание его в повседневной жизни, нежелание переступить порог церкви» [7, p. 76].

Родственники долго не догадывались об увлечении Э. Дикинсон поэзией из-за замкнутого характера и необщительности девушки. А она записывала свои короткие шедевры (каждый — всего в восемь строк) на клочках бумаги, перевязывала их суровой ниткой и тщательно прятала в разных ящиках комода. Даже перед смертью поэтесса чувствовала себя неуверенной и молила сестру сжечь все, написанное ею. К счастью потомков, уцелели не только поэтические этюды, но и ее письма.

Следует отметить, что Э. Дикинсон доверяла в своей жизни лишь трем людям: другу отца, интеллектуально просветившему девушку (он познакомил ее с лучшими творениями английской литературы XIX в.), священнику местной церкви и Т. Хиггинсу, своему единственному издателю. Она много читала, особенно восхищалась творчеством англичанок — сестер Бронте. К сожалению, поэзия экспериментатора Уолта Уитмена (1819—1892) была Эмили незнакома, хотя ее собственные стихи очень схожи с его стилистическими и мировоззренческими изысками.

Независимо друг от друга, эти два американца стремились к эксперименту в поэзии, скорее свойственному европейцам того времени (символистам, импрессионистам и др.), осознанно воспринимали суть символа в лирике, по-своему толковали рифму, ритм и поэтическую строфу, осваивали космическую образность, диффузную безграничную глубину метафор, которые становились у них переменчивыми.

Биографы полагают, что платоническая любовь к священнику, женатому человеку, подарила нам образцы любовной лирики Э. Дикинсон, им ничего неизвестно и о ее отношениях с издателем Т. Хиггинсом, с которым она познакомилась по переписке, приняв участие в поэтическом конкурсе. С одной стороны, именно этот человек помог опубликовать весьма нестандартные и неординарные

произведения поэтессы, а с другой — оказал при этом автору медвежью услугу из-за грубого вмешательства в тексты произведений.

А они отмечены независимостью от какого-либо литературного метода или направления, богатой самобытностью, которая разительно отличается ее от других авторов того периода сбивчивостью рифмы, короткими, разорванными предложениями, пульсирующим ритмом, сегментами внутри строки, аллегориями, метафорами, олицетворениями, ассонансами и диссонансами (*one-stop, gate-mate, house-place, room-him*). Удивительно и то, что все эти «вольности» позволялись в типичном раз- мере церковного гимна.

N 449

I died for Beauty but was scarce Погибла я по имя Красоты — но под Землей

Adjusted in the Tomb Недолго провела одна,

When One who dies for Truth, was lain Когда в соседнюю Могилу опущен был

In an adjoining Room — Тот Мученик, кто пал во славу Истины —

He questioned softly, «Why You failed?» «Ты почему сюда попала?» — шепнул он,

«For Beauty,» I replied — «Во имя Красоты», — ответила ему —

«And I — for Truth — Themselves are one» — «А я пал жертвой Истины», — они одно и то же — «We brethren are,» — He said — «Мы побратимы,» — заключил он —

And so, as Kinsmen, met a Night — Так, ощущая Кровное Родство, мы —

We talked between the Rooms — Ночь проговорили средь Гробов —

Until the Moss had reached our lips — Пока Мох не сковал уста —

And covered up — our names — И на века не спрятал — наши имена —

Перевод Т. Д. Кирилловой

Дружба с Хиггинсом все же стала роковой в судьбе Эмили Дикинсон, которая, к сожалению, не умела отстаивать свои интересы. Его умственное превосходство базировалось на химере, на общественном мнении, которое было не готово к стилистическим экспериментам в поэзии, и поэтому не поэт, а издатель произвольно правил ее произведения, внося изменения не в лучшую сторону. Даже публикуя посмертное издание, он не включил в него многие маленькие шедевры, потому что сам не понимал ни богатства экспрессивной лексики, ни специфической символики автора. Хваля свою подопечную за «глубину мысли», он ругал ее за «незнание грамматики», не улавливая новаторства и эксперимента Эмили, а значит, не осознавал и величия ее гения, о котором мировые критики писали следующее: «Ее стихи смешивают революционность с глубочайшими обнаженными чувствами, изобилуют множественным использованием тире,

спорадическими заглавными буквами в существительных, свернутыми фразами с абсолютным отсутствием грамматики, экспромтами в рифме, ее сбивчивостью, нетипичными и иногда слишком откровенными метафорами, а также несомненной афористичной мудростью» [8, p. 258].

Стремясь понять «каждой Муки причину», Э. Дикинсон рассуждала о том, что ее окружало. Ее мысли были о религии, грехе, вине, искуплении, окружающей природе, бытовых мелочах, о предназначении женщины. Кстати, сегодня о феминистской направленности ее творчества написано множество монографий. Например, профессор Паула Беннет в 1990 г. опубликовала свой известный научный труд «Эмили Дикинсон. Женщина. Поэт», но, на наш взгляд, в подобных исследованиях ее наследие трактуется однобоко.

Все темы лирики поэтессы продиктованы средой, в которой она жила и воспитывалась. Но увлечение библейскими мотивами, преклонение перед «Учителем» — создателем Вселенной — предает даже обыденным стихам глубокоую философскую окраску. Эмили Дикинсон всегда воспринимала свои стихи как «письмо мое Миру», который никогда не откликается на зов мятежной романтической души.

Поэзии этой американки свойственно метафизическое видение Вселенной, в ней звучат мотивы предчувствия, страха, катастрофы, одиночества, непонимания. И это неудивительно, ибо она почитала своим учителем Р. Эмерсона (1803—1982). Эмили Элизабет разделяла его пристрастие к символике и вольной рифме, религии и философии, интуиции и пониманию независимости человеческой души. Это особенно очевидно в следующем стихотворении, написанном в 1862 г. и посвященном предчувствию смерти, его часто сравнивают с похожим посланием потомкам М. Цветаевой.

I felt a Funeral, in my Brain День Похорон привиделся мне Наяву,

And Mourners to and from Когда Скорбящих череда

Kept treading — treading-till Все шла — шла — шла — пока

It seemed Мне показалась,

That Sense was breaking through — Как Нечто стало проясняться вдруг —

And when they all were seated, Потом они уселись,

A Service like a Drum — И Служба, будто Барабан —

Kept beating — beating — till Стучала — била до тех пор — пока

I thought Мне показалось,

My Mind was going numb — Что Разум онемел —

Перевод Т. Д. Кирилловой

Э. Дикинсон серьезно увлеклась творчеством в 1850 г., т. е. отдала ему 35 лет жизни, однако хронологический порядок ее стихов был восстановлен

лишь в дефинитивном издании 1955 г., но для отечественной критики эта публикация прошла незамеченной. Произведения, написанные не на злобу дня и не содержащие социальных мотивов, считались тогда бесполезными и даже вредными. Только в 1997 г. удалось включить очерк о поэтессе в учебное пособие [9].

Признаем, что ни одно из исторических событий, происходивших во время недолгой жизни Э. Дикинсон и потрясших Соединенные Штаты (вспомним войну Севера и Юга), не отражено в ее творениях. Начитавшись английских романтиков — метафизиков Блейка и Китса, переняв у них специфическое пейзажное мышление, поэтесса создала особый художественный мир, полный страстных противоречий, которыми отмечены лишь особо одаренные натуры, вопреки всему стремящиеся к идеалу. Толкало к этому одиночество. Именно оно определяло осознание собственного ничтожества, которое оценивалось автором ниже комариного.

It would have starved a Gnat... И Комар бы умер от голодной смерти ...

It would have starved a Gnat — И Комар бы умер от голодной смерти —

To live so small as I — Довольствуюсь малым —
And yet I was living Child — Живой я рождена —
With Food's necessity — И Пища мне нужна

Upon me — like a Claw — Когтями впивается жажда —

I could no more remove Ее не утолить

That I could coax a Leech away — Не умею ни Пиявку смануть —

Or make a Dragon — move — Ни Дракона — усмирить —

Not like the Gnat — had I — Не могу я, как — Комар,
The privilege to fly — Взять и полететь —
And seek a Dinner for myself — Ни Еды достать —
How mightier He — then I — Все равно победит —
ОН —

Перевод Т. Д. Кирилловой

Э. Дикинсон верила и сомневалась, мучительно двоилось ее восприятие жизни. Эта дисгармония и составила суть поэтического наследия уникальной дамы от поэзии, нашедшей единомышленников среди наших современников, признающих, что мир есть до сих пор нечто «непознанное». Ее интерес к Смерти — просто вечная человеческая боязнь заболеть и умереть, а что там будет в загробном мире, с кем она там столкнется, непонятно, «потому что никто оттуда не возвращался». Церковные гимны Эмили Элизабет, скорее всего, посвящены Богу, ведь для нее «Спаситель был добряком, коль взялся помочь ближним в такой холодный день». Стихи, обращенные к Мастеру (названному по-разному и «Сэром», и «Синьором»), очень своеобразны. Они подтверждают желание автора по-

стих «Вечность», служащую миру «покрывалом». Цветы и сады в ее лирике символизируют раздирающие сердце эмоции несчастной души. А «апофатическая поэтика», по словам прославленного кри-

тика Джона Диэлла, «специфическая риторика», использование эллиптических форм «делают творения этой великой американской поэтессы весьма современными» [10, p. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Murray, A. Maid in Muse: How Domestic Servants Change Emily Dickenson's Life and Language / A. Murray. — New Hampshire: University Press of New England, 2010. — 324 p.
2. Habegger, A. My Wars Are Laid Away in Books: The Life of Emily Dickenson. — New York: Random House, 2007. — 764 p.
3. Comment, C. Dickenson's Bawdy. Shakespeare and Sexual Symbolism in Emily Dickenson's Writing to Susan Dickenson / C. Comment // Legacy. — 2001. — Vol. 18, N 2. — P. 167—181.
4. D'Ariezo, D. Looking at Emily / D. D'Ariezo // Amherst Magazine. — 2006. — Winter. — Mode of access: <<https://www3.amherst.edu/magazine/issues/06winter/emily/>>. — Date of access: 23.06.2009.
5. Crumpley, P. Infections of the Pen: Dash and Voice in Emily Dickenson / P. Crumpley. — Lexington. The University Press of Kentucky, 1997. — 198 p.
6. Nam, J. Faith Suspended. Introduction to The Life of Emily Dickenson. — New York: Random House. 2010. — 167 p.
7. Habegger A. My Wars Are Laid in Books. Random House. The Life of Emily Dickenson. — New York, 2007.
8. The Cambridge Guide to Literature in English / ed. by Jan Ousby. — Cambridge: Cambridge University Press. 1998. — 1055 p.
9. Кириллова, Т. Д. История зарубежной литературы (вторая половина XIX — начало XX века) / Т. Д. Кириллова, Т. В. Ковалева, Е. А. Леонова. — Минск: Завигар, 1997. — 336 с.
10. Diell, J. F. Women Poets and the American Sublime / J. F. Diell. — Indiana University Press. 1990. — 224 p.

«Free Rhymes Metaphysics» (Tatiana Kirillova)

Emily Dickinson creative experiments are world-known for their specific symbolic content and metaphysic viewpoint. The article introduces three author's personal translations of Dickinson's poems and tackles the peculiarities of her style.

Статья поступила 2 ноября 2011 г.